

Якимов Петр Анатольевич, Щербакова Евгения Константиновна

ОРЕНБУРГСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ДАЛЯ

Авторы статьи рассматривают некоторые особенности воплощения представлений об Оренбурге в произведениях В. И. Даля, жившего и служившего почти десятилетие при генерал-губернаторе В. А. Перовском в первой половине XIX века. С опорой на методику Ю. М. Лотмана были проанализированы "оренбургские" рассказы Даля, что позволило выявить коэффициенты организованности, закрытости-открытости, прерывности-непрерывности художественного пространства города. Пространство в рассказах характеризуется центрированностью (с русским центром и азиатской периферией), закрытостью городского центра и открытостью степной периферии и т.д. Данное исследование поможет при анализе особенностей представления городского пространства в произведениях других авторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 77-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.09:821.161.1

Авторы статьи рассматривают некоторые особенности воплощения представлений об Оренбурге в произведениях В. И. Даля, жившего и служившего почти десятилетие при генерал-губернаторе В. А. Перовском в первой половине XIX века. С опорой на методiku Ю. М. Лотмана были проанализированы «оренбургские» рассказы Даля, что позволило выявить коэффициенты организованности, закрытости-открытости, прерывности-непрерывности художественного пространства города. Пространство в рассказах характеризуется центрированностью (с русским центром и азиатской периферией), закрытостью городского центра и открытостью степной периферии и т.д. Данное исследование поможет при анализе особенностей представления городского пространства в произведениях других авторов.

Ключевые слова и фразы: В. И. Даль; пространство; оренбургский текст; ядро и периферия; открытость и закрытость пространства.

Якимов Петр Анатольевич, к. пед. н., доцент
Щербакова Евгения Константиновна, к. пед. н., доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
ruakimov@mail.ru; galereya-k@yandex.ru

ОРЕНБУРГСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ДАЛЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Оренбургской области в рамках научных проектов «Полевое исследование “Коммуникативное пространство Оренбуржья”» (грант № 17-14-56601) и «Ментальное пространство в тексте: национальный и региональный аспекты» (грант № 17-14-56001).

Оренбург времени пребывания в нем В. И. Даля (начало XIX века) поражал приезжих своей экзотикой, смешением европейского и азиатского, а точнее русского и азиатского. В произведениях В. И. Даля на оренбургскую тему явно видно, как неравномерно организовано культурное пространство этого края, ядром которого является даже не европейское, а русское, а структурной периферией – азиатское, все, что касается кочевых народов, исконно связанных со степью.

Пространство Оренбуржья метафорично, исторически это степной локус, дикое поле, символ необъятного пространства востока и бесконечного времени. Архетип «дикое поле» лежит в основе всей структуры российской жизни. Построенная в 1743 году Оренбургская крепость стала символом овладения Русским государством пространства степи, и отсюда вытекает очень важный факт, который можно объяснить при помощи высказывания Н. С. Трубецкого о том, что объединить Евразию могло только государство, овладевшее всей системой степи.

Важнейшим субстратным элементом оренбургского текста является крайнее положение Оренбурга, место на краю света, на распутье. Согласно классификации Ю. М. Лотмана, Оренбург также можно отнести к разновидностям *эксцентрического* города, расположенного на краю культурного пространства. В структуре оренбургского текста природа одновременно подчинена культуре и главенствует над ней. Важны и субстратные элементы оренбургского текста, относящиеся к материально-культурной сфере, – планировка, характер застройки, дома, улицы и пр. На эти характерные особенности Оренбурга особое внимание в своих этнографических очерках обращает В. И. Даль.

Культура и природа Оренбуржья изначально связаны с пониманием русского и азиатского; в произведениях Даля русское, национальное проявляется через конфессиональное (православное). Подтверждение данной мысли находим в ряде его произведений, например в повести «Серенькая».

Смысловым центром «Серенькой», ключевые события которой связаны с фальшивыми ассигнациями, является V глава «Домик на Водяной улице». Город, в котором прожила всю свою жизнь героиня Анна Ивановна Комлева, имеет православный облик, и в нем угадывается Оренбург.

В повести явно видно, что Оренбург строился как христианская твердыня в азиатских степях, об этом свидетельствует эпизод, связанный со строительством храма. Капитан, правая рука коменданта, не соглашается переселиться в свой дом до тех пор, пока не будет возведена в городе церковь: «Он (капитан) отвечал стихом псалма, громким, твердым, но теплым голосом: “Не взойду в шатер дома моего, доколе не найду места господу, жилища крепкому богу Иакова!”» [2, с. 105]. «И ударило клепало, и загудели колокола, раздался первый благовест над Яиком-рекой, звон которого местные народы не слыхивали и дивились ему, широко разинув рот...» [Там же]. Итак, теперь военный город-крепость, оплот России, готов, выражаясь словами из стихотворения Г. Р. Державина, «фрок низлагать молитвой и Богом» [3, с. 238], находится под Божьим покровом.

Эти описания, лиричное излияние добрых чувств, уважения к русской вере, свидетельствуют о понимании автором сущности русской жизни, неразрывно связанной с православием. Особую роль в данном случае приобретает образ дома, своего собственного и дома Господня – храма.

В «Домике на Водяной улице» автор подтверждает важнейшую особенность строительства Оренбурга: исторически доминантой его являлся православный облик. В свою очередь, современный оренбургский исследователь В. В. Дорофеев отмечает, что исторически доминантами города были маковки многочисленных церквей, они создавали его силуэт. До 1930-х гг. город Оренбург имел яркий, неповторимый облик и лишился его, когда разрушили колокольни всех церквей, уничтожили знаменитый Казанский кафедральный собор в центре города,

«возведенный на деньги, жертвованные населением всей России» [4, с. 21]. В основе всех этих утрат лежала идеология советской власти. Не случайно и то, что из семи мечетей в городе только две лишились минаретов. «Роль играло здесь, очевидно, более осторожное отношение к национальному меньшинству и наличие союзных республик, где большинство населения исповедовало ислам. Оренбургский силуэт оказался тем самым с некоторым азиатским оттенком, так как других доминант... почти не осталось» [5, с. 126-127].

В оренбургских текстах В. И. Даля четко прослеживается дихотомия «русское – азиатское»: оренбуржцы делятся на жителей и «дикарей» («Домик на Водяной улице», «Полунощик», «Бикей и Мауляна»). Домик капитана, правой руки коменданта, противопоставляется киргизскому жилищу: если в привычной для киргизов кибитке, по словам жены капитана, холодно, ее «горой заносит снегом», то «и крыша, с резным гребнем, со шпильями на нем, с конями по концам конька, была... дивом для кочевых дикарей» [2, с. 105], «жители вновь заложеного города и всей окружности его: казаки, башкиры, татары, киргизы сходились подивиться на дом с пяти окнами, который казался им палатами» [Там же, с. 104].

В данном случае мы встречаемся с противопоставлением дома антидому – чужому пространству. Временное бездомье семьи капитана, а вернее проживание в антидому, свидетельствует о бескорыстии героя. Отношение Анны Ивановны Комлевой, дочери капитана, к дому такое же, как и у самого капитана. Ее жилище готово вот-вот разрушиться, но ее это не пугает: «А уж, батюшка, божья воля, с богом не поспоришь» [Там же]. И здесь уже дом и антидом меняются местами: чужим пространством становится земное, убогое, а своим – долгожданное, Божье. Домишко ветшает, но героиня укрепляется духом, умудряется сердцем и уповает на Бога, становясь одной из числа кротких, которые согласно христианской заповеди Блаженства наследуют землю.

Азиатское в произведениях В. И. Даля сублимируется, часто оно лишь номинативно связано с этническими характеристиками: в целом его олицетворяют татары, киргиз-кайсаки, казахи, башкиры. И вместе с этим азиатское в Оренбургском крае и за его пределами различается с точки зрения дружелюбности и враждебности по отношению ко всему русскому – здесь тема азиатского раздваивается.

Русское и *азиатское* (с точки зрения дружелюбности) на территории Оренбургской крепости – два «самостоятельных неслиянных голоса» [1, с. 5], сочетающихся в единстве высшего порядка – полифонии (М. М. Бахтин), где происходит соединение нескольких индивидуальных волей, проявляется «воля к событию» [Там же, с. 16]. В структуре оренбургской жизни преобладает хоровое начало, достигается гармония жизни.

Дружелюбные отношения русского мира и мира азиатского на территории Оренбурга в произведениях Даля объясняются принципом комплиментарности (Л. Н. Гумилев), русских и степняков связывает не только обменная торговля, обусловившая новую экономико-географическую систему, оформление культурно-политического союза, но и желание «дикарей» защититься от своих более воинственных соседей. В. И. Даль отмечает еще одну особенность Оренбурга – военный характер города, находящегося на границе с киргиз-кайсацкой степью.

Хотя в очерках Даля азиаты-горожане – дикари, они, пока еще не ассимилировавшиеся с русскими, не являются в городе-крепости «чуждыми», «низшими» подобно тому, как Оренбургская крепость не является в полном смысле колонизированным пространством (история гласит о том, что «в царствование императрицы Анны (1731) киргизский хан Абулхаир, будучи со всех сторон притесняем беспокойными кочующими и не кочующими соседями, добровольно вступил с подвластной ему ордою в российское подданство» [8, с. 275]).

Восточные этносы и их отдельные представители, соседи оренбуржцев, по отношению к русским рассматриваются, исходя из принципа «свой – чужой», что обусловлено несовпадением стереотипов поведения этносов. В отдельных случаях своими или чужими могут быть разные племена. Вот как говорит В. И. Даль о киргиз-кайсаках в своих «восточных повестях»: «Народ этот, при всей грубости своего невежества и черствости души или сердца, по нашему образу чувств и мыслей, не лишен природою ни того, ни другого – ни чувств, ни мыслей» («Майна») [2, с. 290]; «степные дикари» имеют свои патриархальные обычаи («Бикей и Мауляна») [Там же, с. 213]. Они могут быть не менее благонравными, чем православные (русские): Бикей не бранится с несправедливо обидевшими его семью родственниками, хотя, как подчеркивает автор, «это... самый горький, унижительный и непримиримый способ состязаться с противниками» [Там же, с. 232]. Азиаты имеют свое представление о власти, о наказаниях, о полезной деятельности.

Русское и *азиатское* (с точки зрения враждебности) представляет то самое противоречие между оседлым и кочевым, лесом и степью, между двумя разными религиями. Нередко в произведениях «дикари» показаны в негативном свете, подобно предателю Кизылбашеву («Полунощик»), русские выказывают к ним категоричное неприязненное отношение. Один из героев считает, что с киргизами договориться невозможно: «И чего их собак жалеют, прости господи! <...> ...вот ведь, которому дашь аман, он-то самый и наделает тебе больше всех хлопот; я говорю, что волк, так волк и есть...» [Там же, с. 149].

Рассмотрим коэффициенты русского ядра и азиатской периферии Оренбуржья в аспекте пространственных характеристик на примере очерков В. И. Даля, обратившись к известной схеме Ю. М. Лотмана.

Коэффициент организованности пространства

В произведениях Даля отмечается структурированность оренбургского пространства, центральные образы которого – гостинный и меновой дворы, включенные в пространство города, а периферийным образом (но при этом не менее важным) является оренбургская линия (охраняемая граница).

Коэффициент закрытости-открытости пространства

Оренбург – это пространство с круговым обзором в центре: «Оренбург, в котором с каждого перекрестка, во все четыре стороны, виден крепостной вал» [Там же, с. 217]. Сам по себе город является словно бы

«срединной» точкой в степи, его окружает «голая пустыня»: «...бедный Оренбург, перенесенный с места на место до трех раз, судьбы своей не миновал: он наконец-таки расположился в безлесной и голой пустыне» [Там же, с. 216].

Судя по очеркам Даля, отличающимся документализмом, есть в городе и закрытые пространства: «В Оренбурге есть и гостинный двор, но это огромное здание более походит на арестантский двор или на монастырь; лавки все обращены внутрь, а снаружи видны одни только стены; все глухо, пусто, мертво, и покупщики неохотно туда заходят» [Там же, с. 214].

Различно отношение русских и азиатов к открытому и закрытому пространству. Так, в отличие от русских, «оседлую жизнь кайсак почитает величайшим бедствием в мире» («Майна») [Там же, с. 291] и потому своим, родным для него является открытое пространство степи, однако к началу XIX века неосвоенное пространство степи постепенно становится более «устроенным» русскими: «В последние годы кайсаки вовсе перестали таскать людей с линии, ибо некоторое устройство в степи весьма затрудняет им сбыт и даже самую утайку невольников, а страх поплатиться головою отбил батырей от этого опасного промысла» («Бикей и Мауляна») [Там же, с. 230].

Коэффициент прерывности-непрерывности (разъединенности-слитности)

Внутри небольшого городского пространства легко осуществляются различные коммуникации: провинциалы-оренбуржцы предпочитают не ходить пешком, а ездить на колымагах. «Оренбург... вмещает в себе почти столько же рыдванов и колымаг, сколько числится в городе малых и больших домов. Куда на них ездят? – спросите вы. – Да мало ли куда: то за угол, то за другой, – визит, дамский визит, сами вы знаете, дело великое, а с визитом не ходить же пешком, да и не ездить же, упаси бог, и на дрожках!» [Там же, с. 294].

Более затруднены коммуникации, благодаря которым осуществляется рыбалка по берегам Урала (одно из важнейших средств добычи пропитания для казака), выпас коров, мелкого рогатого скота, связь с внешним миром. Открытое пространство степи таит в себе множество опасностей, так, по сведениям, приводимым в «Бикее и Мауляне», за год киргиз-кайсаками в среднем похищается, уводится в плен 52 человека.

Итак, русское ядро и азиатская периферия Оренбуржья в произведениях В. И. Даля показаны в двух соотношениях: комплиментарно-дружелюбных и враждебно-непримиримых. Одной из главных характеристик русского ядра становится то, что сам город-крепость строится как православная твердыня в азиатских степях. Важнейшими субстратными элементами оренбургского текста являются крайнее, пограничное положение города, его архитектурный облик, многоаспектная взаимоподчиненность культурного и природного.

Данное исследование важно для дальнейшего сопоставления особенностей художественного воплощения образа города Оренбурга в произведениях разных эпох: в дискурсе XIX-XX вв. и XX-XXI вв.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next, 1994. 511 с.
2. Даль В. И.: Оренбургский край в художественных произведениях писателя / сост. А. Г. Прокофьева, Г. П. Матвиевская и др. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2001. 416 с.
3. Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956. 470 с.
4. Десятков Г. М. Казанский кафедральный собор. Оренбург: Южный Урал, 2000. 64 с.
5. Дорофеев В. В. Утраты XX века в бывшем городе-крепости и на эспланаде // Оренбургский край: архивные документы, материалы, исследования. Оренбург: ОГПУ, 2003. Вып. 2. С. 125-144.
6. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. 463 с.
7. Прокофьева А. Г. На Европу и Азию нас не дели... // Гостиный двор. 2008. № 23. С. 174-188.
8. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. С. 259-367.

ORENBURG SPACE IN V. I. DAL'S WORKS

Yakimov Petr Anatol'evich, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Shcherbakova Evgeniya Konstantinovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
pyakimov@mail.ru; galereya-k@yandex.ru

The authors of the article consider some features of the embodiment of ideas about Orenburg in the works by V. I. Dal, who lived and served for almost a decade under Governor-General V. A. Perovskii in the first half of the XIX century. On the basis of Yu. M. Lotman's methodology Dal's "Orenburg" tales are analyzed, which enables to reveal the coefficients of organization, closedness-openness, discontinuity-continuity of the artistic space of the town. The space in the stories is characterized by the centrality (with the Russian centre and the Asian periphery), the closedness of the town centre and the openness of the steppe periphery, etc. This study will help in the analysis of the features of urban space representation in the works of other authors.

Key words and phrases: V. I. Dal; space; Orenburg text; core and periphery; openness and closedness of space.